

Иван Гомза

Каталитическая мобилизация радикальных украинских националистов во Второй Речи Посполитой: роль структуры политических возможностей*

На данном этапе развития социальных наук – к которым следует причислять и историю – наблюдается конвергенция исследовательских стратегий. Объяснить эту тенденцию можно потребностью, испытываемой историками, социологами и политологами выйти за узкие рамки профессиональной деятельности для более полного и релевантного описания социально-политических процессов. Среди прочего, взаимодействие и взаимное дополнение исторической и политической наук, их кросс-фертилизация, является важнейшей предпосылкой формирования более реалистичных моделей объяснения исторического процесса, которые могут поспособствовать постижению прошлого.

Ввиду сказанного, использование политологических и социологических моделей для объяснения такого исторического вопроса, как распространение радикального национализма среди украинцев, проживавших во Второй Речи Посполитой, сулит расширение эвристического горизонта. Данная статья изучает причины и механизмы провала проекта мирного сосуществования украинцев и поляков Второй Речи Посполитой в 1918-1939 гг., провала, проявившегося в экспонентном росте приспешников украинского радикального национализма. Особый интерес вызывает несоответствие между подтвержденным документами и политической практикой стремления польских властей урегулировать «украинский вопрос» и привлечь украинцев к конструктивному участию в социально-политических процессах Второй Речи Посполитой с одной стороны, и распро-

---

* Эта статья является дополненным и расширенным вариантом украиноязычной статьи, ранее опубликованной в журнале *Україна Модерна* (2013. № 20). Хотя моя общая аргументация, доказывающая, что именно структура политических возможностей поспособствовала масштабной мобилизации украинских националистов, осталась неизменной, я решил воспользоваться предоставленной мне редакцией *Форума* возможностью и существенно расширил теоретические обоснования своих аргументов, пояснив, среди прочего, что такое состязательная политика, как между собой связаны состязательная политика и структура политических возможностей, каковыми есть индикаторы открытости структуры политических возможностей и что такое «эффект противоположного крыла». В эмпирической части я учел появление новых публикаций по теме, важнейшей из которых, несомненно, является украинская монография Александра Зайцева *Украинский интегральный национализм* (Киев, 2013), и более развернуто показал, каким образом происходило влияние разнонаправленных селективных стимулов украинских националистов во Второй Речи Посполитой.

странением радикальных националистических убеждений среди украинцев – с другой. В конечном итоге эти разнонаправленные стремления привели к обоюдному отрицанию наименьшей возможности взаимопонимания, а потому – и вероятности мирного сосуществования двух наций в границах одного государства. По моему мнению, оптимальным теоретическим подходом для интерпретации указанного несоответствия между государственной политикой и реакцией населения выступает теория состязательной политики и ее составная часть, известная как модель структуры политических возможностей.

Статья состоит из двух частей: в первой я рассматриваю основные теоретические тезисы, которые анализируют состязательную политику, структуру политических возможностей и ее влияние на динамику политического процесса, во второй я объясняю, каким образом специфическая структура политических возможностей Второй Речи Посполитой повлияла на наращивание радикальных националистических сил в Галиции и Волыни межвоенной эпохи, запустив, в конечном счете, социальный механизм, который я предлагаю называть каталитической мобилизацией.

Состязательная политика и модель структуры политических возможностей

Большинство политических сил межвоенной эпохи (1918-1939 гг.), исповедовавших идеи украинского национализма на территории Второй Речи Посполитой, было вынуждено прибегать к особой форме участия в политическом процессе, известной как «состязательная политика» (*contentious politics*). По определению Ч. Тилли, состязательная политика является формой «группового взаимодействия, в ходе которого действующие лица выдвигают требования, затрагивающие интересы других субъектов, а правительство выступает объектом, инициатором или третьей стороной выдвинутых требований»¹. Строго говоря, состязательная политика – это способ защиты коллективных интересов посредством конфронтационного коллективного действия и вовлечения политических ресурсов, важнейшим из которых выступает собственно государственный аппарат. Дело в том, что целью состязательной политики является достижение некоего «публичного блага»² (напр. изменения законодательства, признание особых прав определенной категории населения и т.п.), обеспечить которое с наибольшей уверенностью может именно государственный аппарат.

---

¹ Tilly Ch. *Contentious Performances*. N.Y., 2008. P. 6.

² Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, 2002.

Состязательная политика отличается от конвенционального политического процесса, поскольку проявляется вне институциональных политических рамок. Обычно простые граждане и политики защищают свои политические интересы, участвуя в политическом процессе посредством специальных институциональных структур. Например, при демократическом режиме существуют выборы, органы представительной власти, референдумы, независимый суд – каркас созданных режимом институтов, которые регулируют политические споры, облекая их в конвенциональные формы участия граждан в политическом процессе. Схожим образом и при авторитарных режимах существуют институты (единая партия, армия, консультативные советы), принадлежность к которым дает преимущества субъекту, который претендует на определенное политическое влияние или стремится защитить свои политические интересы³.

Тем не менее возможны ситуации, когда существующий институциональный каркас не удовлетворяет субъектов политического процесса, поскольку не позволяет эффективно, по их мнению, защищать собственные интересы. Например, унитарное государственное устройство не позволяет жителям определенного региона полноценно представлять его на высшем государственном уровне. Или выборы были проведены с вопиющим нарушением основоположных принципов, а потому не отображают реальных предпочтений граждан. Поскольку конвенциональный канал влияния на политику заблокирован, субъектам политического процесса доступна только не-институциональная форма влияния на него. Отдельные индивиды могут обратиться к неформальным практикам защиты интересов (лоббирование, коррупция, использование личных связей), однако социальным группам, а особенно субъектам массового политического процесса, доступна лишь состязательная политика.

Существует множество форм (так называемые «состязательные представления»), посредством которых социальные группы проявляют свое недовольство состоянием вещей и защищают коллективные интересы: демонстрации, петиции, бойкоты, забастовки, отказы платить налоги, захваты правительственных зданий, самосожжения, покушения на видных политиков, террористические акты, вооруженные восстания и проч. МакАдам, Тарроу и Тилли полагают, что следует различать два идеальных типа состязательной политики: ограниченный (*contained contention*) и трансгрессивный (*transgressive contention*)⁴. Первый тип означает использование законных, нормативно приемлемых или допустимых форм конфронтационного коллективного действия – демонстрации, марши, сбор

---

³ Подробнее о роли институциональных структур в функционировании авторитарных режимов см.: Gandhi J., Przeworski A. *Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats* // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. № 11. P. 1279-1301; Lai B., Slater D. *Institutions of the Offensive: Domestic Sources of Dispute Initiation in Authoritarian Regimes, 1950-1992* // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. № 1. P. 113-126; Brooker P. *Non-Democratic Regimes: Theory, Government, and Politics*. N.Y., 2009; Гомза І. Мультисекторальна класифікація авторитарних режимів // *Наукові записки НаУКМА*. 2014. Т. 160. С. 10-17.

⁴ McAdam D., Tarrow S., Tilly C. *Dynamics of Contention*. Cambridge, 2004. P. 7-8.

подписей и общее оживление гражданского сектора. Второй тип предусматривает использование нелегальных состязательных представлений, преимущественно проявляясь в форме политического экстремизма, актах саботажа, восстаниях и т.п.

Однако было бы ошибкой сводить трансгрессивную состязательную политику исключительно к политическому насилию: главным различием между двумя типами служит соответствие легальным нормам того политического режима, против или при участии которого действуют субъекты состязательной политики. Более того, эти субъекты должны осознавать наличие легальных норм и четко понимать, что они их преступают, чтобы определенный акт был именно проявлением трансгрессивной состязательной политики. Хорошим американским примером является знаменитый отказ Розы Паркс, которая осознанно преступила сегрегационные законы тогдашних США, прибегнув, таким образом, к ненасильственной трансгрессивной состязательной политике. Иными словами, вопрос о трансгрессивной или ограниченной природе состязательной политики тесно связан с природой политического режима и его законодательными особенностями, однако большинству политических режимов свойственно терпимо относиться к различным формам ненасильственной тактики, таким образом законодательно кодифицируя массовые собрания и демонстрации как ограниченную состязательную политику, и запрещать насильственные тактики, что делает террористические акты и вооруженные выступления трансгрессивной состязательной политикой. Несмотря на то, что некоторые авторы указывают на практическую невозможность разграничения двух типов состязательной политики⁵, я нахожу его эвристически полезным для данного исследования, поскольку именно неспособность одного субъекта состязательной политики совмещать на практике и ограниченную, и трансгрессивную формы стало – как будет показано ниже – предпосылкой противостояния умеренных и радикальных украинских националистов Второй Речи Посполитой.

Конвенциональная и состязательная политика не отделены непроницаемым барьером. Наоборот, они взаимно дополняют, обогащают, усиливают или оттеняют друг друга. Даже в случае трансгрессивной состязательной политики связей с конвенциональной политикой более, чем предостаточно⁶. Террористы, при соответствующих условиях, вовлекаются в конвенциональный политический процесс, основывая политические партии, как это было в случае с ливанской

---

⁵ O'Brien K. Neither Transgressive Nor Contained: Boundary-Spanning Contention in China // *Mobilization: An International Journal*. 2003. Vol. 8. № 1. P. 51-64; Dosh P. *Demanding the Land: Urban Popular Movements in Peru and Ecuador, 1990-2005*. Philadelphia, 2010. P. 221-223.

⁶ Для теоретического объяснения подобного переходом см.: Sprinzak E. *The Process of Delegitimation: Towards a Linkage Theory of Political Terrorism* // *Terrorism and Political Violence*. 1991. Vol. 3. № 1. P. 50-68; Weinberg L., Pedahzur A. *Political Parties and Terrorist Groups*. L., 2003; Engeland A., Rudolph R. *From Terrorism to Politics*. Aldershot, 2008; Piazza J. *Terrorism and Party Systems in the States of India* // *Security Studies*. 2010. Vol. 19. P. 99-123; Danzell O. *Political Parties: When Do They Turn to Terror?* // *Journal of Conflict Resolution*. 2011. Vol. 55. № 1. P. 85-105.

Хезболлой⁷. Схожим образом могут политизироваться и повстанческие организации, как это продемонстрировала, например, эволюция Сандинистского фронта национального освобождения в Никарагуа или Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО)⁸. Политические партии, в свою очередь, уходят в подполье или прибегают к трансгрессивной состязательной политике, если им не удастся достигнуть желаемого конвенциональным путем: турецкая Партия националистического движения организовала в 70-х гг. XX века волну террора в стране⁹, а японская Аум Сенрикё обратилась к политическому террору после неуспешного участия в парламентских выборах¹⁰.

Субъекты ограниченной состязательной политики еще более активно вовлечены в конвенциональную политику. Египетские «Братья-мусульмане» – это хороший пример того, как общественно-политическое движение влияет на политическую повестку дня, ожидания общества и характер политической борьбы¹¹. К тому же, общественно-политические движения часто действуют в тандеме с политическими партиями, способствуя мобилизации во время избирательных кампаний, делая их более разнообразными и даже играя роль партнеров по коалиции¹². Партии охотно используют подобную помощь для создания более широкой базы потенциальных сторонников и, если необходимо, в качестве рычага давления посредством внепарламентских протестных кампаний.

Взаимное перетекание конвенциональной и состязательной политики играло определяющую роль в деятельности украинских национальных сил Второй Речи Посполитой. Украинская войсковая организация (УВО) в 20-х годах XX века и Организация украинских националистов (ОУН) в 30-х годах были главными субъектами конфронтационного коллективного действия, главной целью которого являлась делегитимизация и ослабление польского государства, что способствовало бы формированию благоприятных условий для воссоздания украинской государственности. С этой целью УВО и ОУН мобилизовали материальные и культурные ресурсы (людей, деньги, оружие, транспорт, коллективную идентичность)¹³, создавали неформальные социальные сети, упрощавшие управление

---

⁷ Azani E. The Hybrid Terrorist Organization: Hezbollah as a Case Study // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2013. Vol. 36. № 11. P. 899-916.

⁸ *From Revolutionary Movements to Political Parties* / Ed. K. Deonandan, D. Close, G. Prevo. N.Y., L., 2007.

⁹ Laqueur W. *The New Terrorism*. N.Y., 1999. P. 146.

¹⁰ Reader I. *A Poisonous Cocktail? Aum Shinrikyō's Path to Violence*. Copenhagen, 1996. P.67-69

¹¹ Для деталей см.: Antar N. *The Muslim Brotherhood's Success in the Legislative Elections in Egypt 2005: Reasons and Implications* // *Euro-MeSCo Paper*. 2006. № 51; Rosefsky Wickham C. *The Muslim Brotherhood: Evolution of an Islamist Movement*. Princeton, 2013.

¹² McAdam D., Tarrow S. *Ballots and Barricades: On the Reciprocal Relationship between Elections and Social Movements* // *Perspectives on Politics*. 2010. Vol. 8. № 2. P. 533.

¹³ Подробнее о мобилизации ресурсов, основоположном элементе состязательной политики, см.: McCarthy J., Zald M. *Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory* // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. № 6. P. 1212-1241; Jenkins J. *Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements* // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9. P. 527-553; Zald M., McCarthy J. *The Resource Mobilization Research Program: Progress, Challenge, and Transfor-*

этими ресурсами¹⁴, конструировали альтернативные интерпретационные фреймы¹⁵, благодаря которым польское доминирование в Галиции и на Волыни выглядело необоснованным и сомнительным.

Цели УВО и ОУН во многом совпадали с целями других проукраинских политических сил, главной из которых являлось Украинское национально-демократическое объединение (УНДО). Эта организация примечательна тем, что своей деятельностью она наглядно показывает переплетение конвенциональной и состязательной политики. С одной стороны, в 1928-1938 гг. ее члены принимали участие в парламентской борьбе и даже проходили в Сейм и Сенат. С другой стороны, УНДО не достигло полноценной организационной стадии политической партии, поскольку не соответствовало классическому определению партии как организации, целью которой выступает «соискание официальных государственных должностей под определенной маркой»¹⁶. Напротив, у УНДО не было ни официальной символики, ни формального членства, ни точного реестра участников, а членские взносы делали исключительно люди, прошедшие в парламент¹⁷, да и само участие в избирательных кампаниях рассматривалось как один из способов решения «украинского вопроса». Другими способами были написание петиций, развитие национального самосознания украинцев (для этого издавались книги и периодика на украинском языке, в том числе – *Свобода и Дело*), поддержка деятельности различных общественных организаций – «Просвещения» (Просвіта), «Родной школы» (Рідна школа), «Сокола» (Сокол), обеспечение экономического процветания украинцев (с этой целью УНДО способствовало развитию кооперативов и кредитных организаций, например, «Маслосоюза» и «Днестра»). В определенной мере УНДО следует представлять как зонтичную организацию, которая способствовала взаимодействию различных направлений

---

mation // *New Directions in Contemporary Social Theory* / Ed. J. Berger and M. Zelditch. Lanham, 2002; Edwards B., McCarthy J. *Resources and Social Movement Mobilization* // *The Blackwell Companion to Social Movements* / Ed. D. Snow, S. Soule, H. Kriese. Malden, 2004.

¹⁴ Литература о роли социальных сетей в состязательной политике обширна. См. напр.: Blau P. *Structural Sociology and Network Analysis: An Overview* // *Social Structure and Network Analysis* / Ed. P. Marsden, L. Nan. Beverly Hills, L., 1982; Cook K., Whitmeyer J. *Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis* // *Annual Review of Sociology*. 1992. Vol. 18. P. 109-27; Bearman P., Everett K. *The Structure of Social Protest 1961-83* // *Social Networks*. 1993. Vol. 15. P. 171-200; *Social Movements and Networks Relational Approaches to Collective Action* / Ed. M. Diani, D. McAdam. N.Y., 2003.

¹⁵ О фреймах и состязательной политике см.: Snow D., Burke Rochford E., Worden S., Benford R. *Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation* // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. P. 464-481; Snow D., Benford R. *Master Frames and Cycles of Protest* // *Frontiers of Social Movement Theory* / Ed. A. Morris, C. Mueller. New Haven, 1992; Cress D., Snow D. *The Outcomes of Homeless Mobilization: The Influence of Organization, Disruption, Political Mediation, and Framing* // *American Journal of Sociology*. 2000. Vol. 105. P. 1063-1104; McVeigh R., Myers D., Sikkink D. *Corn, Klansmen, and Coolidge: Structure and Framing in Social Movements* // *Social Forces*. 2004. Vol. 83. № 2. P. 653-690.

¹⁶ Epstein L. *Political Parties in Western Democracies*. L., 1967. P. 9.

¹⁷ Назарук О. Гоги і Магоги: політична брошура призначена для гартування будучих українських провідників. Львів, 1936. С. 56.

украинского политического, экономического и общественного процесса, а потому была в первую очередь субъектом состязательной политики.

Контакты и взаимодействие представителей УНДО с членами УВО и, позже, ОУН подтверждают эту интерпретацию. С точки зрения целей между УНДО, с одной стороны, и УВО/ОУН – с другой, не было существенных различий: главным стремлением этих организаций было создание независимого украинского государства. Именно поэтому члены УВО/ОУН и УНДО часто встречались друг с другом, дискутировали и согласовывали позиции¹⁸, а иногда – как, например, в случае Дмитрия Палиива (Дмитро Паліїв), – принадлежали сразу и к УВО, и УНДО. В 20-х годах XX века УНДО и УВО дополняли друг друга, поскольку первая играла роль умеренной политической оппозиции, а вторая – военизированной подпольной структуры. Подобный тандем – не редкость для состязательной политики: военизированное крыло было, например, у Африканского национального конгресса, или у организаций по борьбе за права афроамериканцев. Дело в том, что правительство, которое сталкивается одновременно с радикальной и умеренной состязательной политикой (а также и политикой конвенциональной) склонно идти на уступки лагерю умеренных, что, по сути, всецело удовлетворяет и их радикальных союзников. В научной литературе подобную ситуацию характеризуют как «эффект радикального крыла»¹⁹. Именно вследствие эффекта радикального крыла члены УВО пользовались большим влиянием на политику УНДО²⁰, и позже лидер УВО Евгений Коновалец решил повторить стратегию взаимного дополнения военизированной и политической структур, для чего, собственно, и была создана ОУН²¹.

Для представителей УНДО, однако, неприемлемыми были насильственные методы достижения независимости. В конце концов, социальный сектор, представленный УНДО, всегда отличался сочетанием умеренности и национализма: многие сторонники организации пришли в нее из демократической Украинской народно-трудовой партии или же из национал-патриотической Украинской партии национальной работы. Именно либеральный центризм в конечном итоге под-

---

¹⁸ Известно, что интенсивные контакты существовали между Д. Левицким, М. Рудницкой, К. Рудницким, И. Кедриным со стороны УНДО и Е. Коновальцем, Р. Сушко, Ю. Головинским – со стороны УВО/ОУН. Для деталей см.: Torzeski R. *Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923-1929*. Kraków, 1989. P. 338-340; Зайцев О. *Український інтегральний націоналізм (1920-ті – 1930-ті роки): нариси інтелектуальної історії*. К., 2013. С. 299-303.

¹⁹ Freeman J. *The Politics of Women's Liberation: A Case Study of an Emerging Social Movement and its Relation to the Policy Process*. N.Y., 1975; Haines H. *Black Radicalization and the Funding of Civil Rights: 1957-1970 // Social Problems*. 1984. Vol. 32. № 1; Gupta D. *Radical Flank Effects: The Effect of Radical-Moderate Splits in Regional Nationalist Movements*. Paper prepared for the Conference of Europeanists. Chicago, 14-16 March 2002; Schock K. *Unarmed Insurrections: People Power Movements in Nondemocracies*. Minneapolis, 2005.

²⁰ Навроцький О. УВО, політичні партії, диктатура ЗОУНР та уряд УНР // Євген Коновалець та його доба. Мюнхен, 1974. С. 299.

²¹ См. свидетельства и воспоминания националистов: Янів В. Зустріч з полк. Євгеном Коновальцем на тлі настроїв доби // Євген Коновалець та його доба. С. 454-455; Ленкавський С. *Український націоналізм*. Твори. Т. 1. Івано-Франківськ, 2002. С. 128-129.

толкнул УНДО к т.н. соглашательству (укр.: угодовство), а через него – и к противостоянию с УВО и ОУН. Справедливости ради необходимо заметить, что «готовность к поиску компромисса не означала отказа от главной цели – достижения украинской независимости. Разница состояла лишь в том, что борьбу за независимость Украины они отложили до появления более благоприятных обстоятельств, делая особое ударение на легальных формах защиты украинцев»²². Тем не менее УНДО, потеряв из-за склонности к компромиссу с польской властью общий язык с представителями радикального национализма, вступило с ними в открытое противостояние.

Причиной этой конфронтации были различные взгляды на стратегию достижения общей цели: УНДО прибегало к ограниченной состязательной политике, в то время, как УВО и ОУН – к трансгрессивной. Иными словами, эффект радикального крыла исчерпал себе – и вместо сложной взаимно выгодной игры против правительства радикалы и умеренные перешли к стратегическому соперничеству за ресурсы, необходимые для воплощения оптимальной (с точки зрения каждого лагеря) стратегии. Я называю подобное соперничество «эффектом противоположного крыла». В его истоках лежит тот факт, что отдельному субъекту состязательной политики сложно практиковать одновременно и трансгрессивную, и ограниченную ее формы. С одной стороны, обращение к первой сопровождается выходом за границы легальности, а потому ограничивает социальный резервуар потенциальных участников: гораздо большее количество людей выйдет на позволенную законом демонстрацию, чем согласится принять участие в планировании подрыва правительственного здания. С другой стороны, обращение к ограниченной состязательной политике после опыта трансгрессии чревато кризисом коллективной идентичности и оттоком активистов: радикализованным участникам легальные формы протеста кажутся малоэффективной тратой времени. Соответственно, формируются два полюса притяжения активистов, один из которых привлекает людей, склонных к ограниченной, а другой – к трансгрессивной состязательной политике. Однако если каждый лагерь рассматривает ресурсы противоположного как собственный резервуар ресурсов, они вступят в конфликт, который выступает проявлением эффекта противоположного крыла.

Основной вопрос, рассматриваемый в этой статье, – это определение механизма, способствовавшего поражению стратегии умеренных националистов и, соответственно, победе стратегии националистов радикальных. Изучение социальных механизмов – устойчивых каузальных связей между социальными процессами, которые проявляются в различных социальных контекстах, – является приоритетным методологическим подходом при изучении состязательной политики²³, а потому такой фокус вписывается в общую исследовательскую програм-

²² Sekuła P. *Ukraińskie organizacje i partie polityczne w Drugiej Rzeczypospolitej (do 1926 roku)* // *Nowa Ukraina: zeszyty historyczno-politologiczne*. 2006. № 2. P. 30.

²³ О концептуализации «социальных механизмов» см.: Hedstrom P., Swedberg R. *Social Mechanisms: An Introductory Essay* // *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory* / Ed.

му. Под «победой» понимается не реализация проекта национальной независимости, а мобилизация большего количества ресурсов.

Я полагаю, что первостепенную роль в успехе радикальных националистов сыграла структура политических возможностей. Структура политических возможностей как научная модель объединяет причинно-следственными связями мобилизацию, а значит и динамику состязательной политики, с экзогенными факторами. Идея, будто причины и ход конфронтационного коллективного действия зависят от состояния экономики, демографических особенностей населения и характера политической системы, не нова и даже самоочевидна. Однако теория структуры политических возможностей подает общие представления о подобном влиянии в виде четкой и доступной к верификации модели. Более того, она ставит состязательную политику, явление политическое, в первую очередь в зависимость от политических факторов – характера политического режима, государственного устройства, наличия избирательных прав у субъектов состязательной политики, особенностей политических элит и т.п. Иными словами, теория структуры политических возможностей постулирует, что форма и интенсивность, с которой социальные группы защищают свои интересы и прибегают к состязательной политике, зависят от констелляции политических факторов.

С. Тарроу выделил четыре параметра политической среды, которые в совокупности составляют структуру политических возможностей: (1) особенности взаимодействия правительства и оппозиции; (2) возможность участия новых субъектов в политическом процессе; (3) наличие влиятельных союзников; (4) раскол элит²⁴. Соответственно, если политические линии оппозиции и правящих сил являются непривлекательными для некоторых социальных секторов; если политическая система открыта для влияния не только традиционных партий, но и общественно-политических движений или инновационных форм коллективного действия; если требования таких новых субъектов политического процесса готовы поддержать представители или местной/центральной администрации, или влиятельных институтов (армии, Церкви, Конституционного суда); если среди правящей элиты отсутствует единая точка зрения по поводу требований, выдвигаемых субъектом состязательной политики, – то структура политических возможностей считается открытой. Это означает, что субъекты состязательной политики с большей вероятностью мобилизуют последователей и начнут произво-

---

P. Hedstrom, R. Swedberg. N.Y., 2005. P. 24-25; Elster J. *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences*. Cambridge, 2007. P. 7-52. Относительно особой роли изучения социальных механизмов для понимания динамики состязательной политики см.: Tilly C. *Mechanisms in Political Processes* // *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. P. 21-41; Tilly C., Tarrow S. *Contentious Politics*. Boulder, L., 2007. P. 211-219; McAdam D., Tarrow S., Tilly C. *Comparative Perspectives on Contentious Politics* // *Comparative Politics* / Ed. M. Lichbach, A. Zuckerman. N.Y., 2009. P. 260-262; Grischam K. *Transforming Violent Political Movements*. N.Y., L., 2014. P. 31-36.

²⁴ Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 3rd edn. N.Y., 2011. P. 164-165.

дить давление на правительство. Классическим примером выступает Движение за гражданские права в США: его активисты не были довольны ни программой Республиканской, ни Демократической партий, их идеям сочувствовали президент США и генеральный прокурор США, политическая система страны поощряла деятельность гражданского общества, а политические элиты не были уверены, как им стоит реагировать на состязательную политику²⁵. Как следствие, движение смогло мобилизовать множество участников и эффективно добиваться поставленных целей.

Ч. Тилли несколько видоизменил основные индикаторы структуры политических возможностей, расширив их количество до шести: (1) характер политического режима; (2) характер репрессий; (3) постоянство союзов субъектов состязательной политики; (4) консолидация элит; (5) наличие институциональных союзников у субъектов состязательной политики; (6) динамика изменений первых пяти индикаторов²⁶. Именно их я буду применять для анализа структуры политических возможностей Второй Речи Посполитой. Поскольку из выделенных Тилли индикаторов 3-й, 4-й и 5-й соотносятся с индикаторами Тарроу, а последний является относительным и контекстуально зависимым, следует отдельно пояснить собственно роль характера политического режима и политических репрессий в структуре политических возможностей. Важно добавить, что политический режим (совокупность формальных и неформальных правил взаимодействия представителей государственной власти с различными категориями населения²⁷) и политические репрессии (действия, которые препятствуют мобилизации или поднимают цену коллективного действия субъекта состязательной политики²⁸) являются взаимосвязанными понятиями, поскольку разные типы политических режимов прибегают к различным типам репрессий и с разной интенсивностью.

Одним из доказанных положений политической науки является связь между интенсивностью состязательной политики и чувствительностью политического режима к потребностям и пожеланиям населения. В полной противоположности к распространенному убеждению, состязательная политика не особо остро проявляется в закрытых политических режимах, способных ее подавить. Она также не характерна для открытых политических режимов, где граждане имеют достаточно механизмов повлиять на политическую линию посредством конвенциональной политики. По сути, между уровнем закрытости политического режима и интенсивностью состязательной политики существует т.н. криволинейная взаимосвязь²⁹: наиболее интенсивной состязательная политика бывает в полузакры-

²⁵ McAdam D. *Political Process and the Development of Black Insurgency*. Chicago, 1982.

²⁶ Tilly. *Contentious Performances*. P. 91-93.

²⁷ Skaaning S.-E. *Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework* // Center on Democracy, Development, and the Rule of Law Working Papers. 2006. № 55. P. 15.

²⁸ См.: Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. N.Y., 1978. P. 100; Stockdill B. *Activism against AIDS: At the Intersection of Sexuality, Race, Gender, and Class*. Boulder, 2003.

²⁹ Графически взаимосвязь отображается параболой, что можно видеть на схеме, иллюстрирующей вторую часть статьи (см. приложение к этой статье). О теоретических обоснованиях и

тых политических режимах (неконсолидированная демократия, открытый авторитаризм, анократия), поскольку эти режимы чувствительны к требованиям и потребностям населения в одних вопросах, игнорируя их в других, а политические институты таких режимов не способны направить активность гражданского общества в русло конвенциональной политики. Соответственно, группы интересов пытаются расширить круг вопросов, заслуживающих внимания правительства, а потому постоянно прибегают к состязательной политике. Одновременно, полужакрытые политические режимы ввиду слабости институтов непоследовательно применяют репрессии, иногда наказывая, а иногда позволяя одни и те же коллективные действия, чем создают впечатление открытости структуры политических возможностей.

Это отсылает к еще одному важному теоретическому замечанию: структура политических возможностей – это не внешний каркас обстоятельств, в которых действуют субъекты состязательной политики. Тарроу верно заметил, что к структуре политических возможностей относится также «измерение политической среды, стимулирующее людей к коллективному действию, влияя на их ожидания»³⁰, поскольку характер политического режима и характер репрессий, наличие институциональных союзников и постоянство союзов с ними, даже уровень консолидации элит зависят от интерпретации деятельного субъекта состязательной политики. Следовательно, структура политических возможностей – это представление индивидов и групп о том, что можно было бы сделать в существующей политической ситуации, и вероятные следствия состязательной политики. Иначе говоря, структура политических возможностей выступает системой социальных линз, посредством которой субъекты состязательной политики оценивают причины собственного недовольства, доступные ресурсы, уровень угроз и наличие благоприятных факторов. Далее, они используют полученный образ для определения подходящей стратегии, которую опробуют в надлежащее время. Открытый характер структуры политических возможностей описывает представление о высоких шансах на успех состязательной политики, а возрастание представлений об этих шансах свидетельствует о еще большем открытии структуры политических возможностей, и наоборот.

Реакция представителей власти на конкретную стратегию также становится важной составляющей представления о структуре политических возможностей: если в ответ на мирную демонстрацию правительство использует водометы, это свидетельствует о закрытом характере структуры политических возможностей; аналогично и готовность правительства сесть за стол переговоров с террористами интерпретируется субъектом состязательной политики, который практикует

объяснениях криволинейной связи см.: Eisinger P. The conditions of protest in American cities // *American Political Science Review*. 1973. Vol. 67. № 1. P. 14; Muller E., Seligson M. Inequality and Insurgency // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 81. № 2. P. 429; Brockett C. *Political Movements and Violence in Central America*. Cambridge, 2005. P. 266-291.

³⁰ Tarrow. *Power in Movement*. P. 163.

терроризм, как признак открытости структуры политических возможностей. Иными словами, реакция политического режима на состязательные представления играет роль индикатора, с помощью которого субъект состязательной политики интерпретирует: открывается или наоборот закрывается структура политических возможностей – то есть возрастают или падают его шансы на успех, если он продолжит придерживаться избранной стратегии. Вера, что шансы на успех возрастают, интенсифицирует обращение к избранным состязательным представлениям.

Представители власти и государственные структуры, со своей стороны, в каждый отдельный момент политической конфронтации оказываются более чувствительными или уязвимыми к определенным стратегиям. Например, при определенных условиях правительство, желая продемонстрировать контроль над ситуацией, способно жестко отреагировать на мирную демонстрацию, однако оно пойдет на переговоры в случае актов политического насилия со стороны протестующих, если они угрожают развалить правящую коалицию и, таким образом, свергнуть режим целиком. При иных обстоятельствах правительство наоборот решительно пресекает любые формы политического насилия, но ищет компромисс с участниками мирного массового протеста. Разнообразие возможных ответов представителей власти создает разнонаправленную систему селективных стимулов для умеренных и радикальных субъектов состязательной политики, которая лежит в основе эффекта противоположного крыла: уязвимость режима исключительно к трансгрессивной или ограниченной состязательной политике способно спровоцировать прирост ресурсов у одного субъекта, но не особо повлиять на другого. Однако поскольку результат той или иной состязательной политики проявляется через определенный промежуток времени и является предметом интерпретации, субъекты ограниченной и трансгрессивной состязательной политики конкурируют друг с другом, пытаясь определить, чья стратегия в конечном итоге окажется эффективной.

Подводя итог, можно кратко изложить основные теоретические положения данного исследования:

(1) Состязательная политика – это форма не-институционального конфронтационного коллективного действия, которое вовлекает государственный аппарат и посредством которого социальные группы защищают свои интересы.

(2) Существует две формы состязательной политики – ограниченная (применение законных и нормативно приемлемых стратегий) и трансгрессивная (использование нелегальных и неприемлемых стратегий).

(3) Первостепенное влияние на проявление и динамику состязательной политики имеет структура политических возможностей – динамическая система взаимосвязей между попытками субъекта состязательной политики защитить свой интерес, его представлением о шансах на успех и реакцией представителей власти на его действия. Эмпирически измеряемыми индикаторами структуры политических возможностей выступают: характер политического режима, характер

репрессий, постоянство союзов субъектов состязательной политики, уровень консолидации элит и наличие институциональных союзников у субъектов состязательной политики.

(4) Структура политических возможностей создает разнонаправленные селективные стимулы для субъектов ограниченной и трансгрессивной состязательной политики, что служит причиной эффекта противоположного крыла – стратегического противостояния умеренного и радикального лагерей, преследующих схожую цель, за общий социальный ресурс.

Последний тезис описывает ситуацию, в которой оказались национальные украинские силы во Второй Речи Посполитой, и пришло время рассмотреть, каким образом радикальный лагерь УВО и ОУН в конце концов вышел победителем из этого противостояния.

Структура политических возможностей украинских националистов во Второй Речи Посполитой

Для того, чтобы проанализировать динамику взаимодействия украинских национальных сил с административными институтами Второй Речи Посполитой, я выделил четыре периода, каждому из которых была свойственна особая конфигурация структуры политических возможностей и, соответственно, ее влияние на обе формы состязательной политики:

- (а) изначальное закрытие (1918-1919 гг.),
- (б) эпоха парламентаризма (1919-1926 гг.),
- (в) санация (1926-1930 гг.) и
- (д) пацификация/нормализация (1930-1938 гг.).

Во время каждого из этих периодов воздействие селективных стимулов на субъекты ограниченной и трансгрессивной состязательной политики имело различные формы, что в конечном итоге запустило механизм каталитической мобилизации радикальных националистов. Для более четкого восприятия аргументы, изложенные в этой части, проиллюстрированы на Схеме 1, где на вертикальной оси отображена интенсивность состязательной политики, на горизонтальной – уровень чувствительности режима к ней, а парабола очерчивает открытие/закрытие структуры политических возможностей. (См. приложение к этой статье)

1. Изначальное закрытие (1918-1919 гг.)

Восстановление польской государственности в XX веке сопровождалось чередой территориально-этнических конфликтов, в которые было вовлечено молодое государство: на западе Польша соперничала с Германией за Верхнюю Силезию, на

севере – с Литвой за Виленский край, на юге – с Чехословакией за Гешинскую область, а на востоке – с Западно-Украинской Народной Республикой за Восточную Галицию. Более того, этнические меньшинства, жившие на территории воссозданной Польши, отнеслись к ней достаточно настороженно. Например, населявшие Восточную Пруссию мазуры не желали присоединения к Польше, отдавая предпочтение гражданству в экономически более развитой Германии перед этнической принадлежностью к польской нации. Как следствие, по результатам Варминско-Мазурского плебисцита 97,48% населения высказалось против присоединения к Польше³¹. В Верхней Силезии многие силезцы (Ślązacy) также предпочитали остаться в Германии³², как это в марте 1921 г. продемонстрировал Верхнесилезский плебисцит. Поскольку ни Польша, ни Германия не были удовлетворены попытками урегулирования силезского вопроса, территориальный спор перерос в столкновение военизированных организаций, а ситуацию удалось урегулировать только в октябре 1921 г. благодаря вмешательству Лиги Наций.

Достаточно прохладно к возникновению польского государства отнеслось и еврейское меньшинство (составлявшее до 10% населения), поскольку польские правящие элиты всячески препятствовали созданию еврейской автономии в стране³³. В таких условиях важнейшая дипломатическая победа Польши – международное признание ее прав на большую часть спорных территорий – стала причиной новых политических проблем, главной из которых в первые годы польской государственности стало обеспечение лояльности этнических меньшинств. Важность этого вопроса проявилась и позже, во время польско-большевистской войны, когда часть этнических меньшинств рассчитывала на скорый распад Польши, а потому скрыто (а иногда и открыто) встала на антипольские позиции.

Как следствие, на раннем этапе своего существования польское государство стремилось ограничить влияние этнических меньшинств на социально-политическую жизнь страны, что в практической политике привело к урезанию гражданских прав и репрессиям против представителей этнических меньшинств. Такие события, как конфискация немецкого имущества в западных воеводствах, еврейские погромы в Пинске (апрель 1919 г.), запрет от 16 августа 1919 г. на обучение в университетах украинцам, которые не состояли на службе в польской армии, были специфическими формами репрессий, поскольку они препятствовали мобилизации национальных меньшинств. К тому же, ввиду общего патриотического порыва поляков, которым удалось достигнуть национальной независимости, консолидация польских элит на первом этапе была высока и, напротив, ни

---

³¹ Rautenberg H.-W. Probleme der Volksabstimmung vom 11. Juli 1920 im südlichen Ermland und in Masuren // Deutschland und das Recht auf nationale Selbstbestimmung nach dem Ersten Weltkrieg: Probleme der Volksabstimmungen im Osten, 1918-1922 / Ed. R. Breyer. Bonn, 1985. P. 75-91.

³² Kamusella T. Upper Silesia, 1870-1920: Between Region, Religion, Nation and Ethnicity // East European Quarterly. 2005. Vol. XXXVIII. № 4. P. 445.

³³ Mendelsohn E. The Jews of East Central Europe Between the World Wars. Bloomington, 1983. P. 34-35.

один важный социальный институт не был готов поддерживать требования немцев, украинцев, чехов или мазуров, против своей воли ставших гражданами Второй Речи Посполитой. Таким образом, индикаторы структуры политических возможностей свидетельствовали о ее закрытии в 1918-1919 гг. для всех этнических меньшинств, в том числе и украинцев. Стремление ограничить влияние национальных меньшинств означало минимизацию эффективности их ограниченной состязательной политики, а готовность решительно и жестко подавить все проявления трансгрессивной состязательной политики уменьшали и ее эффективность. Именно поэтому в период 1918-1919 гг. структура политических возможностей как для умеренных, так и для радикальных украинских националистов была закрыта. (На Схеме это состояние вещей отображает зона А и соответствующий ей изгиб параболы).

2. Эпоха парламентаризма (1919-1926 гг.)

В январе 1919 г. Игнаций Падеревский (Ignacy Paderewski) сменил на посту премьер-министра Второй Речи Посполитой социалиста Енджея Морачевского (Jędrzej Moraczewski), который казался неблагонадежным многим польским патриотам. Будучи представителем польских националистических кругов, Падеревский в их глазах выглядел гораздо предпочтительнее. Спустя некоторое время «правые» инициировали принятие Конституции 1921 г., которая окончательно признала формой государственного правления парламентскую республику, что превратило премьер-министра в центральную фигуру исполнительной власти. До государственного переворота 1926 г. должность премьер-министра занимали преимущественно политики из центристской и правой части политического спектра – Винценты Витос (Wincenty Witos), Леопольд Скулский (Leopold Skulski), Владислав Грабский (Władysław Grabski). Контроль над исполнительной властью обеспечивался тем, что польские националисты играли главенствующую роль в парламенте, который, собственно, и назначал премьер-министра. В 1919-1922 гг. крупнейшей фракцией в Сейме был националистический Народно-национальный союз (Związek Ludowo-Narodowy), а после 1922 г. центр силы перешел к правоцентристской коалиции Хъено-Пяст (Chjeno-Piast), объединявшей партии Христианский союз национального единства (Chrześcijański Związek Jedności Narodowej) и Польскую народную партию «Пяст» (Polskie Stronnictwo Ludowe «Piast»). Иными словами, эпоха парламентаризма во Второй Речи Посполитой была временем политического доминирования польских националистов.

Однако несмотря на правый уклон режима, в этот период можно было наблюдать применение различных правительственных стратегий относительно национальных меньшинств, что привело к флуктуации – чередованию фаз открытости и закрытости структуры политических возможностей для украинских националистов. Достижение военной и дипломатической победы поляков над ЗУНР в июне-июле 1919 г. сделало притязания Второй Речи Посполитой на Восточную

Галицию вполне обоснованными, что существенно уменьшило эффективность и ограниченной, и трансгрессивной состязательной политики украинцев. Радикальные сторонники правительства ЗУНР в эмиграции перешли к партизанской борьбе, однако санкционированное в 1920 г. расширение полномочий полевых судов сделало возможным эффективное – хоть и кровавое – наведение порядка в сельской местности. Основной тактикой умеренных украинских националистов были взывание к международной общественности и просьбы признать особый статус Восточной Галиции. Чтобы показать незаконность польского владычества в Галиции, умеренные украинские националисты прибегали к классическим методам ограниченной состязательной политики – демонстрациям и бойкотам (напр., массовая демонстрация украинских железнодорожников в феврале-марте 1921 г. с требованием освободить политических заключенных или бойкот общегосударственной переписи населения в октябре 1921 г.).

Однако подписание Рижского мира (18 марта 1921 г.) очертило реальные восточные границы Польши, одновременно придав геополитический смысл польской государственности в глазах Западной Европы. Международный престиж Польши как защитного вала против большевизма существенно возрос, а это означало, что парижские и лондонские дипломаты не особо обращали внимание на предложение украинцев создать отдельное независимое государство в Восточной Галиции. Итак, в противостоянии с консолидированными схожими идеологическими принципами польскими элитами, которые активно применяли репрессии против субъектов трансгрессивной состязательной политики, а на дипломатическом уровне обезоружили субъектов ограниченной состязательной политики, оба лагеря украинских националистов столкнулись с закрытием структуры политических возможностей. Даже в их собственных глазах шансы на успех падали. (На Схеме это отображает зона В1.)

Однако дальнейшее развитие ситуации сигнализировало о флуктуации структуры политических возможностей как для умеренных, так и для радикальных украинских националистов. В 1921-1922 гг. польское правительство, желая уменьшить градус национального противостояния в стране, по скрытым дипломатическим каналам попыталось установить контакт с правительством ЗУНР в эмиграции. Суть дипломатических торгов состояла в официальном признании правительством ЗУНР территориальной принадлежности Восточной Галиции к Второй Речи Посполитой в ответ на предоставление украинскому населению национальной автономии³⁴. Когда 26 сентября 1922 г. Сейм – несмотря на противодействие Народно-национального союза – принял «Закон об основах общего воеводского самоуправления и в частности воеводств Львовского, Тернопольского и Станиславского», умеренные националисты восприняли это как позитивный знак: их требования были поддержаны важным институциональным союзником, а принятие закона привело к фракционированию польских правых элит. Каза-

---

³⁴ Федевич К. Галицькі українці у Польщі. 1920-1939 рр. К., 2009. С. 121.

лось, что структура политических возможностей открывается, свидетельствуя об общей эффективности ограниченной состязательной политики.

Но уже через два месяца, 27 ноября 1922 г., был издан правительственный декрет, который обязывал каждого молодого человека, проживавшего в Галиции, пройти службу в польской армии – несмотря на то, что на тот момент регион еще не полностью принадлежал Второй Речи Посполитой (регион находился под протекторатом Лиги Наций) и Варшава не имела права навязывать украинцам воинскую повинность. Этот декрет существенно уменьшил веру в политику межнационального взаимопонимания, которой придерживались умеренные националисты. Не в меньшей мере чувству фрустрации способствовало убийство 16 декабря 1922 г. польским националистическим фанатиком новоизбранного президента Польши Габриеля Нарutowича (Gabriel Narutowicz) за которого голосовало большинство этнических меньшинств. Гибель Нарutowича обозначила потерю важного институционального союзника, а последовавшее за ней нагнетание националистических настроений, которое инициировали польские правые, еще больше закрыло структуру политических возможностей для субъектов ограниченной состязательной политики.

В этот же период происходила и флуктуация фаз открытия и закрытия структуры политических возможностей для радикальных украинских националистов. Конституция 1921 г. гарантировала неприкосновенность прав собственности земельных магнатов в восточных регионах Второй Речи Посполитой. Это открыто противоречило праву государства экспроприировать земельные наделы крупных землевладельцев в пользу безземельных крестьян, провозглашенному Первым актом от 1920 г.³⁵ Соответственно, если Первый акт посулил украинскому крестьянству возможность обзавестись собственной землей, тем самым посеяв зерна некой симпатии к польскому государству, то Конституция недвусмысленно указала на беспочвенность подобных чаяний и недалекость тех, кто доверяет полякам. К тому же, националистическая политика колонизации восточных регионов (*osadnictwo wojskowe*), за которую фактически единогласно проголосовал Сейм в декабре 1920 г., усилила негативное отношение украинцев к польскому государству, ведь согласно решению Сейма в рамках программы демобилизации польские военнослужащие получали в награду за службу земли бывшей Российской империи³⁶ (преимущественно – на Волыни). То есть польское государство не только не давало землю местному, преимущественно украинскому населению, но и еще фактически вознаграждало польских солдат за их вклад в уничтожение ЗУНР.

Радикальные националистические силы увидели в притеснениях крестьянства и негативном отношении украинцев к правительственной политике новые возможности для продолжения вооруженной борьбы против польского владычества.

³⁵ Stachura P. Poland, 1918-1945: An Interpretive and Documentary History of the Second Republic. L., 2004. P. 48-49.

³⁶ Stobniak-Smogorzewska J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920-1945. Warszawa, 2003. P. 17-23.

Основанная искушенными в военном деле офицерами украинской армии УВО стремилась к проведению «подпольных акций с открытой политической окраской»³⁷, а потому обратилась к трансгрессивной состязательной политике. Посредством партизанской борьбы УВО стремилось усилить украинскую коллективную идентичность, возбудить население и уменьшить уверенность как на внутреннем, так и на внешнем политических уровнях в том, что польская администрация держит ситуацию в регионе под контролем. Противоречие среди польских правящих элит, высшей точкой которого стало убийство Нарутовича, и определенная неготовность польских силовых структур противодействовать трансгрессивной состязательной политике, вылившаяся в неэффективное противодействие деятельности радикальных националистов³⁸, привели к тому, что 1922 г. стал апогеем саботажной и диверсионной деятельности УВО. Так, были совершены «38 саботажей на железнодорожном транспорте, подпалы военных складов и магазинов подле Перемышля, повреждена система телеграфно-телефонной связи на пути Львов-Бобрка, разрушены железнодорожные станции и объекты в Сопотове, Кутове и Городке, сожжены полицейские участки в Яворове, Городке, Угневе и Судовой Вишне. К тому же в этом году было предпринято двадцать покушений на предателей и польских пособников, десять – на полицейских, еще семь – на польских военнослужащих»³⁹.

В этот же период начали проявляться первые признаки конкуренции между украинскими националистическими лагерями: с августа 1922 г. радикалы призывали бойкотировать выборы в польский сейм, а 15 октября 1922 г. они организовали убийство одного из видных представителей умеренных, который был кандидатом от украинских сил Львова, – Сидора Твердохлеба (Сидір Твердохліб). В совокупности с ослаблением умеренных, вызванным процессом Федака (см. сноску 38), это привело к росту уверенности в эффективности трансгрессивной состязательной политики, а значит – и относительному открытию структуры политических возможностей для радикалов. (Процессы иллюстрирует зона В2 на Схеме.)

В понимании радикалов, поляки «стремились поставить Антанту и украинцев перед лицом свершенного факта насильственного присоединения Галиции к

---

³⁷ Книш З. Євген Коновалець в очах молодшої генерації УВО // Євген Коновалець та його доба. С. 275.

³⁸ Особенно показательным были события в сентябре 1921 г., когда Степан Федак, член УВО и сын видного украинского правозащитника и члена правительства ЗУНР Степана Федака (старшего), несколькими револьверными выстрелами попытался убить Юзефа Пилсудского и львовского воеводу Казимира Грабовского. Покушение не удалось, а Федака задержали. Тем не менее, следствию не удалось установить истинных сообщников Федака, что дало возможность УВО продолжить свою подрывную деятельность. Более того, следствие выдвинуло обвинение видным украинским культурным деятелям – Степану Федаку (старшему), руководителю организации «Просвещение» (Просвіта) Ивану Кивелюку, профессору Василию Щурате и ректору тайного Украинского университета Михаилу Галушинскому, тем самым нанеся урон позициям умеренных националистов.

³⁹ Кентій А. Українська військова організація (УВО) в 1920-1928 рр. К., 1998. С. 36.

Польше»⁴⁰, а потому в ответ украинцы должны были посредством саботажей и политически мотивированных покушений показывать, что они никогда не согласятся с польским владычеством в регионе. Однако 14 марта 1923 г. Совет послов Антанты признал суверенитет Польши над Восточной Галицией, то есть в совокупности с признанными международным сообществом положениями Рижского мирного договора все территории современных Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской, Волынской и Ровенской областей вошли в состав Второй Речи Посполитой. Это означало, что структура политических возможностей для радикалов внезапно закрылась, поскольку стратегия демонстрации нелегитимности польской власти в Западной Украине показала всю свою несостоятельность и необходимо было искать новый способ противостоять польскому владычеству⁴¹. Неготовность радикалов к такому повороту событий привела даже к разочарованию некоторых активистов в идеалах национализма и переходу из националистического в коммунистическое подполье⁴².

Параллельно произошло несколько важных изменений внутривнутриполитического характера, которые еще больше закрыли структуру политических возможностей для субъектов трансгрессивной состязательной политики. Во-первых, польская внутренняя разведка адаптировалась к подпольным методам деятельности УВО, проникла в ее организационные структуры и с помощью систематических арестов практически парализовала УВО, то есть успешно применяла репрессии для подавления мобилизации состязательной политики. Во-вторых, благодаря деятельности созданного в 1924 г. Корпуса охраны границ польские силовые структуры смогли существенно ограничить контакты радикалов с заграничными центрами (Подєбрады, Прага, Берлин, Вена, Данциг), остановив поток печатных материалов, денег, оружия и активистов, то есть разрушив постоянство союзов субъектов состязательной политики. В-третьих, правительство провело успешную валютную реформу, чем стабилизировало экономическую ситуацию и уменьшило уровень недовольства населения, сократив, таким образом, социальный резервуар доступных ресурсов на местах для радикалов. Вследствие названных факторов, трансгрессивная состязательная политика была существенно затруднена и в 1923-1926 гг. она сводилась к немногочисленным актам бандитизма – грабежу почталыонов и банков. Таким образом, по состоянию на 1926 г. структура политических возможностей после некоторых флуктуаций снова была закрыта как для умеренных, так и для радикальных националистов.

3. Санация (1926-1930 гг.)

В мае 1926 г. совокупность внутренне- и внешнеполитических неурядиц подтолкнули наиболее уважаемого военно-политического деятеля межвоенной

⁴⁰ Ленкавський С. Український націоналізм. Т. 1. Івано-Франківськ, 2002. С. 66.

⁴¹ См. свидетельство Ленкавского о настроениях в УВО: Ленкавський С. Український націоналізм. Т. 1. Івано-Франківськ, 2002. С. 149.

⁴² Кентій А. Українська військова організація (УВО) в 1920-1928 рр. Київ, 1998. С. 34.

Польши, маршала Юзефа Пилсудского, с открытым неодобрением наблюдавшего за экспериментами страны с парламентской демократией, выступить против политического руководства Второй Речи Посполитой. В результате т.н. «майского переворота» к власти пришли преимущественно люди, имевшие опыт военной службы, или же те, кто и далее на ней состояли. Сам Пилсудский был избран на пост президента страны, однако он отказался от должности в пользу Игнация Мосцицкого (Ignacy Mościcki), оставшись, тем не менее, центральной фигурой новой властной коалиции и всего режима.

Хотя установление военной диктатуры в принципе означало, что политический режим в Польше стал более репрессивным и закрытым, для украинских националистов приход к власти давнего союзника Симона Петлюры ознаменовал фазу открытия структуры политических возможностей. Дело в том, что Пилсудский не только питал личный интерес к украинскому вопросу (что само по себе сигнализировало об открытии структуры политических возможностей), но он еще и активно выступал за проведение политики федерализации страны и реализацию т.н. «доктрины прометеизма», то есть культурно-цивилизаторской деятельности поляков, направленной на создание дружественного украинского государства на восток от р. Збруч⁴³. Как следствие, деятельность правительственной команды, в состав которой входили такие прагматичные украинофилы, как Генрик Юзевский (Henryk Józewski) и Тадеуш Голувко (Tadeusz Hołowko), была направлена на поощрение экономической и культурной деятельности украинского меньшинства Второй Речи Посполитой.

Более того, идеологическая доктрина нового режима строилась на принципах солидаризма, считавшего, что удовлетворение интересов каждого гражданина независимо от его этнического происхождения и интеграция различных национальных групп интересов в социально-политические структуры являлось необходимой предпосылкой преданности населения Второй Речи Посполитой⁴⁴. Соответственно, режим санации с момента своего установления стремился вовлечь украинцев в социально-политические процессы, что предусматривало стимуляцию легального политического участия умеренного лагеря украинцев. Фактически, этот лагерь получил широкое пространство для упражнений даже в конвенциональной политике, что одновременно сигнализировало и об открытии структуры политических возможностей к ограниченной состязательной политике (теоретическое обоснование см. выше).

В июле 1927 г. преданный сторонник доктрины прометеизма Петр Дунин-Борковский (Piotr Dunin-Borkowski) был назначен на должность львовского воеводы. Он разработал программу, направленную на «ликвидацию объективных

---

⁴³ См.: Mikulicz S. *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej*. Warszawa, 1971; Woytak R. *The Promethean Movement in Interwar Poland* // *East European Quarterly*. 1984. Vol. XVIII. № 3. P. 273-278.

⁴⁴ Kulesza T. *Koncepcje ideowo-polityczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926-1935*. Wrocław, 1985. P. 133.

причин недовольства украинцев в экономической сфере и установление контактов с их представителями (или партийными лидерами), что позволило бы преодолеть сепаратистские тенденции и сформировать общую программу решения важнейших проблем»⁴⁵. В декабре 1928 г. воеводой Волынского воеводства стал уроженец Киева, близкий приятель Симона Петлюры и Юзефа Пилсудского – Генрик Юзевский. Он рассматривал Волынь как регион, где можно достигнуть согласия и взаимопонимания между поляками и украинцами. С этой целью он вовлекал украинцев в деятельность местной администрации и установил обязательное изучение украинского языка в волыньских школах⁴⁶.

Ввиду всего сказанного, не должно вызывать удивление, что умеренные украинские националисты преуспевали в первые годы режима санации: в ноябре 1926 г. УНДО приняло новую программу организации, направленную на достижение взаимопонимания с польскими политическими элитами. Благожелательное отношение со стороны центральных государственных органов и ключевых фигур польской политики способствовало превращению УНДО в главенствующую силу, представлявшую интересы украинского меньшинства. Также активизировали свою деятельность украинские экономические кооперативы, в первую очередь – «Центросоюз», а представители украинского делового мира все теснее и теснее вовлекались в общенациональную экономику. Апогеем стратегии умеренных украинских националистов стало участие украинских политических сил в парламентских выборах 1928 г. Все это происходило благодаря содействию и финансированию со стороны политического руководства Второй Речи Посполитой.

Как следствие, украинские радикальные националисты столкнулись с все возрастающим эффектом противоположного крыла: многие сочувствовавшие украинскому делу активисты считали успешной стратегией умеренных, они готовы были инвестировать время, деньги, усилия в нее, что уменьшало количество ресурсов, доступных радикалам. Более того, режим всецело способствовал формированию и выражению проукраинских позиций исключительно в форме конвенциональной (или же, на худой конец, – ограниченной состязательно) политики: он пресекал и игнорировал требования, выраженные посредством трансгрессии. Таким образом по состоянию дел на 1928 г. режим получил существенное преимущество: будучи нечувствительным к стратегии радикалов, он постоянно уменьшал их ресурсы, усиливая умеренных. Еще несколько лет – и лагерь радикалов был бы, наверное, окончательно изолирован и ослаблен.

Однако именно в 1928-1929 гг. серия серьезных ударов подорвала потенциал режима санации, предоставив такой необходимый для радикалов просвет. Первым из них была Великая депрессия. Несмотря на тот факт, что в Польше эконо-

---

⁴⁵ Комар В. Українське питання в політиці урядів Польщі (1926–1935 рр.) // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 122.

⁴⁶ Snyder T. Sketches from a Secret War: A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine. New Haven, 2005.

мический кризис достиг своего пика лишь в 1935 г., негативные эффекты в польской экономике – крах финансового рынка и резкий рост количества безработных – начали проявляться сразу же после того, как кризис затронул важнейших игроков мировой экономики – США и Германию. Вторым ударом стал политический скандал, развернувшийся в ноябре 1928 – марте 1929 гг. вокруг министра финансов Чеховича (Gabriel Czechowicz). В прессу просочилась информация, что этот близкий друг Пилсудского обманым путем присвоил себе большую сумму из государственного бюджета. Последствия экономического кризиса и грязный скандал усилили враждебно настроенные к Пилсудскому политические силы: в июне 1930 г. в Кракове состоялся Конгресс оппозиционных партий (Centrolew – Kongres Obrony Prawa i Wolności Ludu), участники которого сделали несколько громких заявлений, главными из которых были обвинение Пилсудского в узурпации власти и требование восстановления демократического республиканизма. В ответ режим прибегнул к политическим репрессиям, арестовав многих выдающихся политиков, среди прочих – бывшего премьер-министра Винцента Витоса и героя польского восстания в Силезии Войцеха Корфанты (Wojciech Korfanty).

Эти событие неожиданно открыли структуру политических возможностей для трансгрессивной состязательной политики, чьи субъекты увидели: режим, который недавно казался сильным и непоколебимым, по своей сути не только коррумпированный и экономически уязвимый, он еще и спровоцировал выступление польских оппозиционных элит, а затем взял их под арест по весьма надуманному обвинению. Иными словами, в глазах украинских радикалов режим Пилсудского внезапно показался ослабленным и беззащитным, ведь они наблюдали масштабное фракционирование элит в польском политическом лагере, падение потенциала режима вследствие экономического кризиса и использование репрессий польскими государственными деятелями против собственных сограждан, что в совокупности создавало новые возможности для противостояния и трансгрессии.

Итак, представления радикалов о том, что такому режиму можно противостоять, возросли – и структура политических возможностей вновь открылась. Именно поэтому субъекты трансгрессивной состязательной политики существенно активизировались и начали масштабную экстремистскую деятельность: 1 ноября 1928 – в десятую годовщину т.н. «Ноябрьской акции» (Листопадовий зрив) – националисты спровоцировали столкновения с полицией во Львове⁴⁷, 7 сентября 1929 г. они организовали взрыв эскпоцентра «Тарги Восточные»⁴⁸, а весь период 1929-1930 гг. был отмечен многочисленными саботажными акциями (в указанный период было зафиксировано около 2 тыс. инцидентов трансгрессивной насильственной состязательной политики). Существенная активизация УВО

---

⁴⁷ Климшин М. В поході до волі. Т. 1. Детройт, 1975. С. 262.

⁴⁸ Мірчук П. Нарис історії Організації Українських Націоналістів. Т. 1. Мюнхен, 1968. С. 215.

в конце 20-х гг. XX века и, собственно говоря, создание ООН были реакцией на открытие структуры политических возможностей. Итак, в 1926-1930 гг., после падения парламентской республики и установления режима санации, структура политических возможностей максимально открылась и для умеренных националистов, и для радикалов. (На Схеме процесс иллюстрирует зона D и достижение высшей точки изгиба параболы.)

4. Пацификация и нормализация (1930-1938 гг.)

Ход правительственной политики пацификации, которая достаточно хорошо описана в исторических исследованиях, необходимо рассматривать не в качестве одиночной репрессивной акции против украинского населения, а в рамках общеполитических процессов Второй Речи Посполитой и реакции режима на вызов оппозиции, брошенный в 1930 г. Схожим образом и желание нормализации, к которой стремились умеренные украинские силы и польское правительство, возникло не само по себе, а в тесном переплетении с динамикой политического процесса в стране в целом.

С момента активизации оппозиционных сил и до уничтожения Второй Речи Посполитой (1930-1939 гг.) наблюдалась возрастающая тенденция режима ограничивать демократические процедуры и применять репрессии против своих критиков. Среди прочего, установление авторитарного режима обозначили такие события, как увеличение количества силовиков и военных в правительстве; принятие новой, т.н. «апрельской» Конституции (1935 г.), которая существенно увеличила полномочия исполнительной власти и окончательно уничтожила систему институционального равновесия; увеличение давления на гражданское общество, проявившееся, например, в 1932 г., когда больше пятидесяти университетских профессоров, известных своими симпатиями к политической оппозиции, были уволены с занимаемых должностей⁴⁹. В своем стремлении подавить оппозиционные настроения режим обращался к таким сомнительным методам, как разгон массовых демонстраций с помощью вооруженных дубинками молодчиков и внесудебное интернирование политически неблагонадежных. Собственно именно с этой целью указом президента Мосцицкого (саму идею предложил премьер-министр Козловский (Leon Kozłowski)) в июле 1934 г. был открыт концентрационный лагерь в Березе-Картузской, где в заключении пребывали польские коммунисты (по некоторым подсчетам – до половины заключенных)⁵⁰, социалисты, лидеры крестьянских партий (прежде всего – Народной партии (Stronnictwo Ludowe), ответственные за организацию конфронтационных действий польских крестьян), представители крайних правых польских движений, например, Национально-радикального лагеря (Obóz Narodowo-Radykalny) и ру-

⁴⁹ Stachura P. Poland, 1918-1945: An Interpretive and Documentary History of the Second Republic. P. 67.

⁵⁰ Garlicki A. Bereza, polski obóz koncentracyjny // Gazeta Wyborcza. 19-20 kwietnia, 2008. № 93. <http://wyborcza.pl/1,76842,5134208.html?disableRedirects=true>.

ководители национальных меньшинств⁵¹, в том числе – и радикальные украинские националисты – Тарас Боровец, Роман Шухевич, Василий Бандера (брат руководителя ОУН), Евгений Врецьёна (Євген Врецьона), Юлиан Вассиян (Юліан Вассиян), Дмитрий Штыкало (Дмитро Штикало), Емельян Матла (Омельян Матла) и др.

Ввиду общей тенденции режима Пилсудского максимизировать репрессии против политических оппонентов, такие события, как арест видных украинских общественно-политических деятелей (Д. Палиива, В. Целевича, О. Когута), закрытие национально-патриотической организации «Пласт» (сентябрь 1930), полицейские досмотры в общественно-культурных организациях («Просвещение», «Родная школа», «Семья»), массовые акции пацификации в сельской местности и казнь без суда и следствия (случай с задержанием и убийством 30 сентября 1930 г. краевого руководителя ОУН Головинского) были не только антиукраинской политикой, но и частью более общей политики репрессивного авторитарного режима. Итак, в 1930-1935 гг. происходит закрытие структуры политических возможностей для всех субъектов состязательной и даже конвенциональной оппозиционной политики. (На Схеме это показывает смещение из зоны D в зону C.)

Давление режима побудило украинские умеренные силы искать возможность урегулировать ситуацию, что воплотилось в т.н. «политике нормализации». Представители умеренного лагеря открыто выражали свое желание возобновить конструктивное сотрудничество с польскими властями ради защиты интересов украинского меньшинства. Стремление нормализовать отношения, впрочем, было вызвано комбинацией внутри- и внешнеполитических обстоятельств: в 1934 г. Германия и Польша подписали Декларацию о неприменении силы. Этот документ усилил позиции режима Пилсудского, поскольку устранил угрозу со стороны западного соседа, тем самым сократив украинским националистам пространство для маневра. Приблизительно в тот самый период украинцы Второй Речи Посполитой узнали о преследованиях украинской интеллигенции, жесткой политике раскулачивания и Голодоморе в УССР. Все это существенно ослабило советскофильские настроения среди украинцев в Польше, а потому ориентация на Москву также перестала быть политически целесообразной⁵². В связи с утратой возможных зарубежных союзников, у умеренных украинских националистов не осталось иных вариантов, кроме как нормализовать отношения с польской властью.

Руководство Второй Речи Посполитой, со своей стороны, также стремилось к диалогу с умеренными украинскими националистами, поскольку смерть в мае 1935 г. харизматического лидера Юзефа Пилсудского и угроза главных польских оппозиционных сил бойкотировать запланированные на осень 1935 г. парламент-

⁵¹ Śleszyński W. *Obóz odosobnienia w Berezie Kartuskiej: 1934-1939*. Białystok, 2003.

⁵² Chojnowski A. *Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921-1939*. Wrocław, 1979. P. 176-205.

ские выборы показали, что режим столкнулся с существенной эрозией общественной поддержки, а вместе с ней – и проблемой политической легитимности. Оставалась, однако, иная возможность получить народный мандат – привлечь к участию в выборах представителей национальных меньшинств, и поскольку именно эту стратегию избрали политические элиты режима, достижение соглашения и сотрудничество с украинским умеренным лагерем стало желанным и даже необходимым. Именно поэтому первоочередным следствием «нормализации» было массовое участие украинцев в выборах 1935 г. (несмотря на которое явка оказалась самой низкой в истории Второй Речи Посполитой) и активная поддержка депутатами от УНДО правительственной программы. В ответ умеренные националисты требовали остановить политику польской колонизации украинских земель, обеспечить открытие обещанного еще в 20-х годах украинского университета, расширить сферы использования украинского языка и финансировать деятельность украинских общественных организаций из государственного бюджета.

Режим не удовлетворил практически ни одно из этих требований и не выполнил большинство из своих обещаний, а потому несмотря на все надежды умеренных украинских националистов политика «нормализации» провалилась. Например, хотя министр Мариан Зиндрам-Косцялковский (Marian Zyndram-Kosciałkowski) обещал остановить колонизацию, поскольку «самолично убедился, что восточно-галицкие воеводства перенаселены и украинское село страдает от земельного голода, в этом наиболее чувствительном для украинцев вопросе ситуация не только не улучшилась, но даже ухудшилась, ведь министр Юлиуш Понятовский... усложнил, а на практике даже сделал невозможной парцелляцию земель между украинскими крестьянами»⁵³.

Схожим образом в разрез со своими обещаниями режим усилил давление на украинские общественные организации – запретил благотворительные пожертвования в пользу «Родной школы», не позволил праздновать 70-летие «Просвещения» (Просвіта), пытался закрыть «Луг». Также не решенными оставались такие важные для украинского меньшинства вопросы, как школьный утравкизм, способствовавший полонизации начального и среднего образования, и функционирование т.н. «сокальской границы» – проверок и ограничений на административной линии между Галицией и Волынью, с помощью которых польское руководство (в том числе и воевода Юзевский) стремилось предотвратить проникновение идей украинского национализма на Волынь.

Однако наиболее вредоносной для «нормализации» оказалась политика ревиндикации церковного имущества, проистекавшей из присущего Волыни и Холмщине совпадения национального и религиозного общественных расколов: поскольку «украинец» практически всегда означало «православный», а «поляк» – «католик», руководство страны решило решить украинский вопрос в регионе

---

⁵³ Кедрин І. Життя, події, люди. Нью-Йорк, 1976. С. 256

стратегическим путем, а именно – через уменьшение влияния православной Церкви. Политика ревиндикации проводилась во Второй Речи Посполитой еще в 20-х годах XX века и имела целью уменьшить роль православия как бастиона украинства на Холмщине и Волыни⁵⁴, однако особо широкий масштаб ревиндикация приобрела именно в 30-х гг. В декабре 1935 г., согласно решению Комитета по национальным вопросам, правительство приняло решение превратить православную Церковь в инструмент распространения польского влияния. В терминах практической политики, программа предусматривала постепенную полонизацию православной Церкви, а в конце 1937 – начале 1938 гг., когда подобное развитие событий показалось слишком времязатратным, имело место целенаправленное разрушение православных храмов⁵⁵.

Совокупность описанных событий привела к тому, что в декабре 1938 г. глава УНДО Василий Мудрый провозгласил политику «нормализации» провальной, тем самым признав неэффективность конвенциональной и ограниченной состязательной политики для защиты интересов украинцев Второй Речи Посполитой.

Каталитическая мобилизация

Первостепенную роль в провале стратегии по достижению польско-украинского взаимопонимания сыграла трансгрессивная состязательная политика, которую между 1930-1938 гг. упорно воплощали радикальные украинские националисты. В исторических документах и историографии она описана более чем достаточно⁵⁶, поэтому стоит упомянуть лишь ее наиболее дерзкие проявления – убийства видного защитника доктрины прометеизма Тадеуша Голувки (1931), начальника отдела следственной полиции во Львове Эмилиана Чеховского (1932), секретаря советского консульства во Львове Алексея Майлова (1933) и Министра внутренних дел Бронислава Перацкого (1934). Упорство радикалов убедило руководство Второй Речи Посполитой в том, что договорится с украинскими националистами в принципе невозможно, а потому стратегически целесообразно было бы решить

---

⁵⁴ Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918-1939. Warszawa, 1989. P. 359.

⁵⁵ Гудь Б. Політика «ревіндикації» на Холмщині і Волині 1937–1938 рр. та її наслідки для українсько-польських стосунків // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: збірник наукових праць. 2012. № 21. С. 259.

⁵⁶ См.: Політичний терор і тероризм в Україні XIX–XX ст.: історичні нариси / Під. ред. В. Смоля. К., 2002; Коновалець Є. «Я б'ю в дзвін, щоб зрушити справу ОУН з мертвої точки...»: невідомі документи Організації українських націоналістів. К., 2003. Кентій А. Збройний чин українських націоналістів. Т.1. К., 2005. Посівнич М. Експропріаційна діяльність Організації Українських Націоналістів 1929–1939 рр. // Визвольний шлях. 2005. Кн. 4. С. 96-103. Мірчук П. Нарис історії ОУН 1920-1939 роки. К., 2007.

украинский вопрос посредством принудительной ассимиляции украинского населения.

Как следствие, в 30-х годах XX века национальная политика режима мало чем отличалась от программы польской национальной демократии (исповедовавшей крайнюю форму польского национализма), то есть произошла конвергенция проектов «ендеков» и «пилсудчиков» относительно способа решить украинский вопрос. Этот известный исторический факт может скрыть от внимания исследователя важные теоретические вопросы: если в 30-х годах XX века руководство Второй Речи Посполитой избрало жесткую линию по отношению ко всем украинским националистам, то не должно ли это было повлечь закрытие структуры политических возможностей, в том числе и для радикальных националистов? А если структура политических возможностей закрывалась, то почему интенсивность трансгрессивной состязательной политики не уменьшалась и ОУН не была принуждена к спокойствию силовым путем?

Ответ состоит в том, что несмотря на установление во Второй Речи Посполитой авторитарного режима, увеличение количества политических репрессий, существенную консолидацию политических элит относительно стратегии решения украинского вопроса и отсутствие каких-либо институциональных союзников у субъектов трансгрессивной состязательной политики – индикаторы, обычно указывающие на закрытый характер структуры политических возможностей, – для членов ОУН в 30-х годах XX века структура политических возможностей открывалась. Основную роль в этом сыграл механизм каталитической мобилизации. Каталитическая мобилизация приводит к тому, что действия политического руководства и агентов контроля, направленные на подавление, только усиливают мобилизацию ресурсов субъектом состязательной политики. Иными словами, в результате запуска механизма каталитической мобилизации субъект состязательной политики достигает такого уровня автономии от стратегии соперников, что он способен проводить и даже интенсифицировать состязательную политику, какой бы ни была реакция политического руководства. (На Схеме каталитическую мобилизацию иллюстрирует кривая E, которая в определенной зависимости от уровня чувствительности режима меняет угол залома, но тем не менее стремится вверх.)

Активизация механизма каталитической мобилизации – это достаточно редкое явление, обусловленное комбинацией трех необходимых условий: прогностической достоверности, способности быстро восстанавливать утраченные ресурсы и преодоления эффекта противоположного крыла. Радикальным украинским националистам удалось выполнить все.

Прогностическая достоверность тесно связана с интерпретационным изменением структуры политических возможностей. Она означает, что субъекты состязательной политики «позитивно реагируют на ситуации, если они смогли предвидеть изменения в структуре политических возможностей, и, наоборот, они действуют менее уверенно, если происходят события, которые они не предвиде-

ли»⁵⁷. Таким образом, если политическое руководство и агенты контроля действуют в соответствии с ожиданиями субъекта состязательной политики, это будет воспринято как изменение политической среды, благоприятствующее избранной стратегии, что означает, что структура политических возможностей – представление о том, что можно и что полезно для достижения поставленных целей – будет открываться.

Именно это и произошло в ситуации с радикальными украинскими националистами Второй Речи Посполитой. С момента военного поражения ЗУНР и последовавшей инкорпорации Восточной Галиции в состав польского государства они стремились возбудить и интенсифицировать этно-социальное противостояние украинцев и поляков на землях, населенных украинцами (собственно Восточная Галиция, Волынь, Холмщина). Когда режим приобрел более авторитарный характер, а польские правящие элиты развернули энергичную и жестокую политику пацификации, преследуя и наказывая украинцев, то ситуация развивалась в полном соответствии с ожиданиями украинских радикалов. Они были убеждены и убеждали всех, что поляки установили шовинистическую империалистическую власть над украинцами, что эта власть нелегитимна и держится исключительно на насилии, и что эту власть необходимо свергнуть путем вооруженного противостояния. Соответственно чрезвычайные суды, облавы, разрушения православных храмов и принудительную полонизацию субъект трансгрессивной состязательной политики интерпретировал как чувствительность политического режима к избранной стратегии, а потому постоянно усиливал нападения на инкассаторов, польских колонистов и политических деятелей.

Способность быстро восстанавливать утраченные ресурсы достижима при правильной организационной работе управляющего ядра состязательной политики: если руководство способно создать несколько центров вербовки активистов, если оно имеет канал подпитки ресурсами за рубежом, если оно умело управляет логистическими ресурсами и способно восполнить потерю на участке X, перебросив ресурсы с участка Y, и если оно верно использует культурный ресурс (национальную идентичность, культурные символы и т.п.), то репрессии агентов контроля могут быть терпимыми, а потому и неэффективными, что означает: структура политических возможностей открывается.

Радикальные украинские националисты смогли, благодаря пропагандистской работе с украинцами Второй Речи Посполитой, сенсibilизировать их к национально-культурным вопросам, сформировав тем самым резервуар общественной поддержки. Одновременно, они проникли и приобрели существенное влияние в студенческой среде Данцига, Праги и Подебрада, которая, будучи активной на территории других государств, превратилась в благодатную среду распространения националистических идей и даже надежное прибежище активистов. Резуль-

---

⁵⁷ Meyer D., Minkoff D. Conceptualizing Political Opportunity // Social Forces. 2004. Vol. 82. № 4. P. 1478.

таты проведенной работы сказались во второй половине 30-х годов, когда несмотря на аресты большинства представителей Краевой ЭКЗЕКУТИВЫ ОУН (Степана Бандеры, Николая Лебеда [Микола Лебідь], Ярослава Карпинца), руководство ОУН смогло из-за границы организовать мобилизацию новых членов, а когда правительства Литвы, Германии и Чехословакии под давлением Варшавы усложнили деятельность украинских националистов на своих территориях, то новое руководство ОУН во Второй Речи Посполитой (в первую очередь – Александр Гасин и Лев Ребет) смогли продолжить и расширить деятельность организации.

Преодоление эффекта противоположного крыла, то есть демонстрация несостоятельности стратегии конкурирующего субъекта состязательной политики, является третьим компонентом каталитической мобилизации. Если эффект радикального крыла преодолен, то все ресурсы, которые ранее приходилось делить, становятся достоянием исключительно успешного субъекта состязательной политики. Соответственно, происходит существенный прирост ресурсов, что обеспечивает вариативность тактик, возможность совершения более дерзких акций, более стабильные союзы субъектов состязательной политики – то есть также открывает структуру политических возможностей.

Способы преодоления эффекта противоположного крыла различны: один лагерь может уничтожить конкурента силовым путем, или воспользоваться ущербом, нанесенным конкуренту агентами контроля; два крыла могут достигнуть консенсуса и вернуться к тактике совместного действия против правительства; однако в случае с украинскими националистами радикалам удалось преодолеть эффект противоположного крыла благодаря прогностической недостоверности умеренных, которая в конечном итоге привела к разочарованию и отчуждению активистов. Суть явления состояла в следующем: несмотря на существование правительственной команды прагматических украинофилов, реальные шаги в направлении взаимопонимания с поляками, искреннее желание и реальные попытки защищать интересы украинцев легальным путем, умеренные украинские националисты столкнулись в конечном итоге с репрессиями и насильственной ассимиляцией.

Показательным в это ключе выступает пассаж из воспоминаний убежденного сторонника идеи украино-польского примирения Ивана Кедрин: «Когда все они [попытки достичь взаимопонимания] закончились провалом, то повинной в этом была исключительно польская сторона, никогда не проявлявшая доброй воли... Государственные мужи и польская пресса раз за разом твердили про сосуществование, про "вспулжице", но по сути только *воссоздавали атмосферу войны с 1918 г.*»⁵⁸. Особое внимание в данном случае заслуживают не столько однобокие обвинения поляков, как признание представителем лагеря умеренных состояния перманентной войны – признание невозможности сосуществовать украинцев и

---

⁵⁸ Кедрин. Життя, події, люди. С. 247. (Курсив мой – И. Г.).

поляков в одном государстве. Конкуренция между субъектами ограниченной и трансгрессивной состязательной политики завершилась, поскольку в конце 30-х годов XX века для умеренных националистов структура политических возможностей окончательно закрылась: они сами потеряли веру в ее эффективность.

Поражение проекта умеренных националистов подтолкнуло большинство людей, которые поддерживали национальные идеалы, в гравитационное поле радикальных националистов: у них была хорошая организационная структура, они приводили убедительные аргументы относительно справедливости своей интерпретации украинско-польских отношений, они предлагали четкую программу последующих действий для решения «украинского вопроса». Именно это закрытие горизонта представлений для украинских патриотов дало окончательный толчок к каталитической мобилизации ресурсов для трансгрессивной состязательной политики. Радикалы умело использовали накопленные ресурсы для того, чтобы использовать просчеты и уступки польских властей для собственных целей.

Знаменательным, в этом отношении, был «волынский эксперимент» Генрика Юзевского. Отнюдь не безосновательно полагается, что политика, которая стремилась способствовать взаимопониманию и мирному сосуществованию поляков и украинцев в границах одного воеводства, не дала практических результатов⁵⁹. Такая оценка деятельности воеводы Юзевского, впрочем, требует определенного уточнения: его политика не дала практических результатов для реализации проекта умеренных украинских националистов, в то время как радикальные националисты по максимуму использовали предпринятые Юзевским шаги по способствованию деятельности украинских общественных организаций в своих целях. «Они использовали относительную свободу действия на Волыни, обещая крестьянам больше земли и больше свободы. Они с легкостью подвергали сомнению элементы федерализации: если на Волыни собираются проводить земельную реформу, то зачем приглашают тысячи польских офицеров-колонистов, если действительно хотят изучать украинский язык в школах, то почему не создают украиноязычные школы»⁶⁰ и с помощью подобных методов они распространяли свое влияние на местное население. Преодоление «сокальской границы», которое радикальным националистам удалось произвести в середине 30-х годов, и их относительно простое укоренение в волынское общество без эффективного противодействия со стороны местной администрации, которая своей политикой максимально открыла структуру региональных политических возможностей для радикальных националистов, превратили Волынь в колоссальный социальный резервуар, из которого черпали ресурсы радикальные украинские националисты. И этот факт имел судьбоносное влияние на зловещие события 1943 г.

---

⁵⁹ Bömelburg H.-J. Die polnisch-ukrainischen Beziehungen 1922-1939 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1991. Vol. 39. № 1. P. 92.

⁶⁰ Snyder T. Federalism and Nationalism in Polish Eastern Policy // *Journal of International Affairs*. 2003. Vol. 111. P. 115.

Приложение

